

С.Н. Грудникая.

*канд. юрид. наук, старший научный сотрудник Института
экономико-правовых исследований НАН Украины.*

г. Донецк

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Юридическое лицо и хозяйственная организация — это два термина используются нашими правоведами для обозначения одного и тот же явления, продолжая сохраняющуюся веками дуалистическую традицию. Вопрос имеет давнюю историю, берущую начало в средневековье. Непрерывающиеся научные дискуссии на эту тему родили длинный ряд ярких имен исследователей, обогативших историю цивилистической науки, разрабатывающей теорию юридического лица, и науки хозяйственного права, исследующей реальные хозяйственные организации. Противостояние цивилистов и хозяйственников продолжается. Как оно возникло и почему сохраняется, каковы причины подобной понятийной двойственности и насколько она обоснована — вот тот вопрос, ответ на который постарался получить автор данной статьи.

Вопросы соотношения понятий юридического лица и хозяйственной организации рассматривались во многочисленных работах как современных авторов, так и их предшественников: Ф. К. Савиньи, О. Гиркса, Р. Иринга, Г. Ф. Штршеневича, Н. С. Суворова, С. Н. Братуся, А. В. Венедиктова, В. В. Лаптева, В. К. Мамутова и многих других.

Противники хозяйственного права — последовательные представители цивилистической концепции — не считают его самостоятельной отраслью права, в частности по той причине, что она совершенно оторвана от традиций древнеримского гражданского права [1, с. 113].

Цель статьи — выделить наиболее весомые блоки аргументов в пользу хозяйственно-правового подхода в регулировании хозяйственных отношений, номере возможностей проводя авторскую конкретизацию оценки тех или иных исторических правовых явлений или дополнительную аргументацию отдельных результатов проводимых ранее хозяйственно-правовых исследований.

Методологически базовыми на основе изученного обширного материала избраны знаменитые очерки морфологии мировой истории всемирно известного немецкого историософа и культуролога Освальда Шпенглера (1880— 1936 гг.) [2]. Важный вывод, который следует из исторического обзора античной культуры, заключается в том, что лицо (персона, личность) — это явление,

возникшее в специфических условиях античности, органично присущее только ей. Античное право есть право, созданное гражданами и для граждан. Оно предполагает государственную форму полиса. Лишь на основе этой базовой формы общественного существования возникает понятие личности (персоны) как человека, в своей целостности тождественного целостности государства. Из этого формального факта античного мироощущения и развилось все античное право [2, с. 61]. Единичная личность - это материальное тело, принадлежащее античному составу полиса. Права полиса распространяются лишь на него. Раб тоже был материальным телом, но не персоной, а вещью. Телами представлялись также античные божества.

В целом следует отметить, что правовое мышление того или иного периода сходно с математическим (средство познания неживых форм — математический закон; средство для понимания живых форм — аналогия). В числе как знаке заложена сущность всего действительного. Математику можно понимать как способность практически мыслить в числах.

А теперь проведем сравнение. Пифагор постиг античное число как принцип мирового порядка осязаемых вещей (тел). Даже в качестве завершения космоса Аристрах принял всецело ограниченный телесно пустой шар, который можно охватить оптическими средствами наблюдения. Если античная математика описывала материальные тела, современная математика научилась описывать поля и сложнейшие процессы, моделировать n-мерные пространства. Античность знает лишь «натуральные» (положительные, целые) числа. Современная математика дополнила ряд чисел отрицательными числами, десятичными дробями, иррациональными, комплексными числами и т. д. Если античное число — это величина, современное число — это функция или отношение [3, с. 10,19, 95,96,103,105,107].

Античная жизнь обладает эвклидовыми чертами, т.е. картина тел, отношений между ними и взаимных воздействий представляется как у атомов Демокрита. Поэтому античное право — это право материального тела, или эвклидова математика общественной жизни, ибо оно различает в составе мира телесные субстанции и устанавливает отношения между ними [2, с. 69].

Поэтому сколь ясным было различение форм частного и публичного (права) для античного человека (в частному относятся телесные субстанции, а к публичному их совокупности), столь неясной оказывается в наше время грань между частным и публичным (знающему как телесные, так и бестелесные субстанции). Вся разница — в противопоставлении частного и публичного в античности, и формировании публичного в процессе сочетания частного (достижения консенсуса) в современном мире.

Понятие бестелесной субстанции появляется с зарождением христианства.

Со времен Константина (римский император с 306 г., основатель Константинополя [4, с. 621]) в старой форме «римского» права начало зарождаться совершенно новое право — христианское обычное право. В качестве такового оно понимается и воспринимается обращенными в христианство азиатами и германцами. Новый ландшафт охватывает Сирию и Северную Месопотамию, Южную Аравию и Византию. Повсюду здесь происходит становление нового права. Из права отдельных городов-государств здесь возникает право религиозных общин, которое приводило поборников одной и той же религии к единству воли и действия и обобщало их в одно целое — коллективную субстанцию. Таким образом, первым созданием христианского или, как его еще называют, византийского права стало создание бестелесной субстанции. Понятие это справедливо уже применительно к древней общине в Иерусалиме, и оно распространяется вплоть до триединства лиц Божества [2, с. 69—70].

Что касается истории римского права, о раннеантичном праве (1100—700 гг. до н. э.) мы не имеем сведений. Мы знаем только историю позднеантичного права, пронизанную духом города. По сохранившимся отрывкам литературы оказывается возможным определить всю меру отстояния мышления античной культуры от более поздних культур. Римляне рассматривают исключительно частные случаи и их проявления, но никогда не предпринимают анализа фундаментального понятия, они скрупулезно различают виды договоров, но понятие договора им неизвестно. Им неизвестна теория. Подлинно античная форма, в которой собирается весь законодательный материал — это происходящее почти само собой суммирование законов, эдиктов, как во времена преторского должностного права в Риме. Законодательства Солона, Харонда, XII таблиц есть не что иное, как оказавшееся пригодным к использованию случайное собрание этих эдиктов. Нигде нет речи о системе, о попытке установить право на длительное время [2, с. 64-65]. Только к концу античного правотворчества появился «вечный эдикт», изданный по распоряжению Адриана (около 130 г.), в результате которого ежегодно издававшиеся правовые нормы преторов, которые к тому времени приобрели стабильность, были приведены к единой форме и дальнейшие изменения в них запрещены. Теперь претор должен был придерживаться установленного текста [2, с. 68]. Казуальность права сохранялась до конца античности.

Из этого следует определенный вывод. Античное право — казуальное право, которое создавалось гражданами на основе практического опыта. Понятие юридического лица (как результат теоретического обобщения) не могло появиться в античное время с его казуистическим методом правотворчества. Метод нормативных обобщений в результате теоретических абстракций

появляется позже. Новое обычное право античного времени также воспринималось как интерпретация дошедшей из прошлого высокоавторитетной массы законов. Около 200 г. на смену казуистам права приходят истолкователи и собиратели права конституций [2, с. 73].

Рецепция римского права в западноевропейских странах, напротив, заложила тенденцию с самого начала сводить весь живой правовой материал в навсегда упорядоченный и исчерпывающе обобщающий кодекс, в котором всякий вообще мыслимый в будущем случай будет решен заранее [2, с. 65].

Рецепция римского права в Германии была произведена по случайно найденной около 1050 г. рукописи части кодекса Юстиниана — Пандектов. Кодекс Юстиниана (византийского императора с 527 г.) связывается с именами Солона (600 до н. э.), Питгака (550 до н. э.) и других. Около 1100 г. итальянский юрист Ирнерий, основатель школы глоссаторов, толковавших (на полях) римские законы, сделал единственную сохранившуюся рукопись Пандектов объектом настоящей правовой схоластики. Творение итальянского юриста Бартоло (1314—1357 г.) — комментарий к кодификации Юстиниана [4, с. 112] — вступило в силу в Испании и Германии в качестве «римского права». Лишь во Франции юриспруденция барокко обратилась к еще более раннему тексту — не схоластическому, а византийскому [2, с. 79—80].

История же западного права начинается совершенно независимо.

Начиная с 500 г. западная предкультура создала несколько типов германского племенного права (варварского права): вест- и остготское, бургундское, франкское, лангобардское (варварские правды). Они соответствуют раннехристианским системам права, из которых до нас дошла лишь иудейская. Постепенно были созданы германско-романские кодексы: в Южной Франции Вестготский (писаное право), в Италии вплоть до зрелого Возрождения существовал почти чисто германский лангобардский кодекс [2, с. 77].

Позднее происходит начавшееся в Германии бурное развитие готических племенных прав («Саксонское зеркало», 1230; «Швабское зеркало», 1274). Юристы поздней готики объединили каноническое и германское право в единое целое, предназначенное для практического использования [2, с. 79]. Готическое право развивалось в рамках феодальной религиозной идеологии, но в нем отразились и формирование национальных государств, усиление городов, городских торговых и ремесленных кругов [4, с. 331]. Выросшие на месте прежних деревень города, наряду с городами, возникшими еще в период римского господства, покупали себе некоторую автономию, заключая феодальные договоры с сеньором, в борьбе за вольности искали поддержку при дворе. Императоры, желая получить содействие городов в борьбе за целостность государства, даровали им хартии, в которых предусматривали свободный статус

населения и самоуправления [5, с. 148—151]. Городское право было правом городского самоуправления и рыночных отношений в городах [1, с. 109]. В городах возникают цеховые организации, которые первое время организованы на демократических началах, но в них быстро появлялись сословные привилегии. Управление городами-республиками фактически находилось также в руках городской аристократии, выборы были формальностью [5, с. 148—151].

Нужно подчеркнуть, украинское правовое развитие, как и сейчас, в целом вписывалось в основные тенденции развития права Запада, право Украины по существу всегда принадлежало романо-германской правовой семье [1, с. 115]. Древнерусское торговое право развивалось в одном направлении со всем европейским торговым правом [1, с. N2]. Г. В. Вернадский обнаруживает в Киевской Руси следы влияния византийского права [6, с. 189]. «Русская правда» — один из крупнейших правовых источников средневековой Европы, который в течение столетий оказывал существенное влияние на жизнь не только на территории Киевской Руси, но и за ее пределами. Его нормы вошли в почти неизменном виде в Литовский статут [1, с. 107]. С конца XV века до середины XIX века (в Галицко-Волынской земле — с начала XIV века до середины XVIII века) во многих городах Украины применялось Магдебургское право [1, с. 109].

Наряду с этими объективными процессами развития общественных отношений в западных странах происходило оторванное от жизни теоретизирование средневековых ученых (схоластика), которые находились под впечатлением реализма понятий, согласно которому подлинно действительным, субстанцией мира являются общие понятия (идеи).

В XV—XVI веках готику сменяет Возрождение [4, с. 331].

С началом барокко (XVI век) в европейских городах, переживающих становление товарно-денежных отношений, жизнь выдвинула требование такого права, которое устанавливали античные города- государства со времен Солона (закрепления прав и свобод всех горожан, их права на самоуправление). Гуманисты Возрождения выступили против схоластики. Культура Возрождения (Ренессанса), антифеодалная в своей основе, обратилась к античному наследию, как бы возрождая его. Идеи Возрождения способствовали разрушению феодально-религиозных представлений и во многом объективно отвечали потребностям зарождающегося буржуазного общества. Самым важным завоеванием городов было признание свободного состояния за всеми гражданами. Буржуазные революции смели сословные привилегии. Философия Просвещения основана на естественном равенстве людей, возрождение проникнуто верой в безграничные возможности человека, его воли и разума и отрицанием католической схоластики [4, с. 238]; [2, с. 80].

В Англии великий юрист Коук защищает германское право, которому

продолжают следовать на практике, от последней совершенной Тюдорами попытки ввести право пандектное (XVI в.) [2, с. 81]. Однако на континенте пандектное право действовало наряду с обычным торговым правом (в Германии в XVI—XIX вв. [4, с. 962], что привело впоследствии к параллельной кодификации пандектного права в гражданских кодексах, обычного торгового права - в коммерческих (торговых) кодексах ряда европейских стран. Таким образом, в Западной Европе сформировался дуализм частного права (дуализм — от лат. dualis (двойственный) — философское учение, исходящее из признания равноправными двух начал — духа и материи, идеального и материального [4, с. 414]).

Вместе с тем полагать, что может существовать право, в равной мере воспаряющее над всеми вещами и совершенно независимое от политико-экономических интересов, — величайшее заблуждение. В исторической действительности такого абстрактного права не бывает. Это ярко демонстрирует в своем исследовании О. Шпенглер. Все законодательства представляют собой политические акты. Демократическое законодательство Солона содержало конституцию частного права в духе равноправия. Драконт и децемвиры создали в Риме олигархическое законодательство в чисто патрицианском духе, которое тоже подкреплялось частным правом («Драконт» и «Солон» - боевые кличи в затяжной борьбе между олигархами и демосом античности). Начинатели Возрождения прибегли к демократическому законодательству Солона, соответствующему чаяниям зарождающейся буржуазии. На более поздней стадии развития капитализма сохраняющие демократические формы законодательство фактически перерождается в олигархическое.

Из всего этого следует вывод: какая форма не была бы избрана в процессе субъективных изысканий, реальная жизнь наполняет ее своим смыслом. Всякое право есть по преимуществу обычное право: пускай себе закон дает формулировки — толкует их жизнь. Когда ученые желают навязать собственному праву трактуемый ими чужой практический язык с присущей ему понятийной схемой, понятия остаются пусты, а жизнь немой. Право делается не оружием, но обузой, и действительность продолжает двигаться дальше не вместе с историей права, но помимо нес. Можно сколько угодно законодательно запрещать создание иных видов субъектов хозяйствования, они будут формироваться и функционировать сами по себе. На деле лишь окажется, что право игнорирует реальность.

Потому-то и оказывается, что современный правовой материал только поверхностно соприкасается с античной схемой кодексов, отчасти вообще никак с ней не соотносится. Право оказывается бессильным перед лицом фактов

реальной жизни, если рассматривает субъекта права в духе античности лишь как тело. С античным понятием лица была связана дедая метафизика античного бытия: сущность полиса, гражданина, раба, жизненный идеал атараксии (статика). Для нашего современника лица — это не тела, а носители энергии, функциональные единицы, а вещи — не тела, а средства достижения цели. Понятие интеллектуальной собственности не приходило в голову античных мыслителей. Однако для нашей современности изобретатель, организатор и предприниматель являются творческой силой, которая воздействует на другие, исполняющие, силы, задавая им направление, намечая цель и средства. И те, и другие принадлежат экономической жизни не как владельцы вещей, а как носители энергии.

Античное право было правом тел (статика), современное право - право функций (динамика).

Античный мир предполагает атомизацию общественной жизни. Идеалом полиса является экономический идеал автаркии. Каждая из жизненных единиц (лиц) желала иметь собственный и замкнутый в самом себе экономический поток, который бы циркулировал независимо от всех прочих. Крайней противоположностью этому является современное понятие фирмы. Если в античные времена было простое товарное производство, обмен готовыми продуктами, то сейчас большая часть торговли — это обмен сырьем, материалами, полуфабрикатами, развивается специализация, кооперирование, комбинирование, значительную часть экономики занимает финансовый рынок. Современная фирма — это нетелесный центр сил, действие которого распространяется во все стороны в бесконечность. Владелец фирму не олицетворяет — он ею обладает и направляет. Такая двойственность владельца и фирмы оказалась бы для античного мышления непредставимой. По этой причине современная и античная культуры означают соответственно максимум и минимум организации, само понятие которой у античного человека полностью отсутствовало. Ведение хозяйства в римских провинциях оказывалось общественной и частной эксплуатацией ресурсов. Античный человек никогда не помышлял о планомерном наращивании экономической жизни, ориентировался лишь на мгновенный результат. Понятие фирмы сформировалось в позднеготическое время как *ratio* или *negotiatio*, и оно не может быть передано никаким словом на языке античности. Если в античности имущество — это совокупность находящихся в одних руках ценных предметов, в нашей современности имущество - это активы, находящиеся в постоянном движении и являющиеся источником экономической энергии. Капитал — не совокупность стоимостей, а то, что поддерживает их в движении. Символом нынешних функциональных денег является волевой акт, посредством которого функция

оказывается выполненной (выписка чека, выдача векселя, бухгалтерская проводка и т. д.).

Право должно обеспечивать то, что было самоочевидно для римских юристов, т. е. внутреннюю конгруэнтность (соответствие, соразмерность, совпадение) экономического и правового мышления. Право должно ежеминутно отражать дух общественного и экономического бытия, формируя правовые понятия из устойчивого и строгого обычая общественного и экономического существования, а не из умственных абстракций, основанных на самих себе [2, с. 81—86].

Следует отметить, что внутреннее соответствие экономического и правового мышления не было чуждо римским юристам. Напротив, как говорит Н.С. Суворов, римские юристы были мало расположены заниматься спекуляциями, отрешенными от действительности, и умозрительное оперирование фикциями можно всецело отнести на счет средневековой юриспруденции [7, с. 61].

Деление лиц на две категории: физических и юридических (моральных, фиктивных) появилось не в римской, а в позднейшей юриспруденции. Этот вывод оспаривается некоторыми учеными со ссылкой на то, что римское право не могло обойтись без признания особого рода субъектов права, не совпадающих с естественными лицами. Действительно, народ, курия, коллегия, другие союзы граждан были субъектами права — публичного. Как пишет О. Гирке, римская юриспруденция всякие союзные образования включала в *jus publicum*, и чтобы сделать возможным их участие в гражданском обороте, считала их лицами частного права (условными, т. е. фактически прибегала к фикции). Для обозначения их римские юристы пользовались выражением: «*personae vice fungī*», «*privatorum loco haben*». *Haben loco* по лат. — считаться кем-л. (дочерью, сестрой) [8, с. 98]. То есть если граждане были единичными лицами, то народ, курия, коллегия, союз такими лицами не были, но считались. Н.С. Суворов и ряд других авторов, не соглашаясь с Гирке, находили возможным конструировать понятие юридического лица без помощи фикции, прибегая к понятию собирательного лица, союзной личности, указывая на то, что термины *corpus* или *universitatis* употребляются не только применен ии к союзам лиц, но и к собирательным вещам (стадо рабочего скота, табун лошадей, дом, корабль), т.е. к существующим в действительности вещам. Но в этом же доводе обнаруживается необоснованность данной позиции: *corpus* или *universitatis* использовались для обозначения совокупности лиц или вещей, которая в античном мироощущении не могла восприниматься как единое тело, а потому только условно считалась им. Совокупность лиц в античности — это не новое тело (лицо), это — публика с присущим ей *jus publicum*. Все вольные союзы, когда-либо существовавшие в

Риме (родовые союзы, сакральные, союзы ремесленников, др.), носили публичный характер. Как говорит Гирке, связь вольных союзов с публичным правом никогда не разрывалась, главными формами союзов всегда оставалась цеховая связь по единству ремесла и связь для целей религиозных общин. Об имущественных отношениях союзов до конца республики трудно сказать что-либо определенное. В законах XII таблиц коллегиям было предоставлено право установления статутов, но отсюда никак не следует, чтобы коллегии имели права юридического субъекта гражданского права в позднее выяснившемся значении этого слова. Не вытекает этот вывод и из того обстоятельства, что коллегии могли иметь общие кассы, составлявшиеся из периодических взносов членов, тем более что и государственные жреческие коллегии не были юридическими лицами. Исследователями замечено, что устройство коллегий в тот период времени, когда они выступают уже как признанные юридически субъекты гражданского права, оказывается копией с городской организации. Государство и города получили признание как субъекты гражданского права ранее. Для целей гражданского оборота *corpus* или *universitatis* считаются лицами. В остальных случаях собирательные вещи остаются *corpus* или *universitatis*, не являющимися субъектами права (частного или публичного) [7, с. 29—188].

Сегодня ни фигура юридического, ни фигура физического лица не отражают мироощущения человека и экономических реалий. Ориентированное на античность выражение «физическое лицо» будто отказывает человеку в признании его как биологического вида или в статусе гражданина. На вопрос, что такое юридическое лицо, следует ответ непосвященного в схоластические премудрости человека: лицо с юридическим образованием, в лучшем случае — лицо, признанное правом. Действительно, наиболее соответствующим современному мироощущению является представление Гейзе, Иеринга, Сальковского и других, полагающих, что юридическое лицо есть все, что в государстве признается за отдельный субъект прав (организованный союз лиц, признанный государством в качестве юридического субъекта) [7, с. 67,68].

Правильным было бы отказаться от неадекватных форм физического и юридического лица как результата схоластики. Если абстрактное идеалистическое правоведение было где-то приемлемым для Запада с его индивидуализмом, где каждый пытается найти истину сам для себя, на основании собственного рассуждения, но и там подвинуто к субсидиарному применению, то для восточной Европы с ее духом коллективизма это неприемлемо без всяких сомнений. Восточный коллективизм предполагает: истина определяется консенсусом; дух Бога и дух общины - это один и тот же дух; если достигнут консенсус, истина установлена [3, с. 75]). Это исключает субъективизм

теоретических абстракций и заставляет ориентироваться на реальные формы практического опыта.

Хозяйственная организация - реальность. Юридическое лицо - терминологически чуждая современной жизни абстракция. Фактически понятие юридического лица сохраняется для обозначения совокупности признаков субъекта права (кстати, далеко неполной), т.е. по сути адаптировано к реалиям современной жизни. Но в худших случаях сохранившееся античное видение юридического лица как атомарной единицы угнетает жизнедеятельность втиснутых в архаичную форму отношений, требуя адекватного реагирования. Можно вспомнить, например, о том, с каким трудом российским цивилистам удалось втиснуть в Гражданский кодекс Российской Федерации (в РФ нет Хозяйственного кодекса) норму о зависимых предприятиях, об ответственности в холдинговых группах.

Поэтому является объективным подход большинства западных стран (Франция, Германия и др., XIX век), которые изначально разрешили проблему дуализма частного права, закрепив приоритет за нормами торгового (хозяйственного) права, допуская лишь субсидиарное применение норм гражданского права [9, с. 41—42]. А в последнее время наблюдается тенденция относительно дальнейшего сужения места гражданского права. «Гражданское право — пишет проф. Гельмут Кёлер в предисловии к ГК РФ, — которое изначально было длительное время идентично частному праву, образует сегодня лишь часть частного права. Оно охватывает те нормы, которые применяются к каждому человеку» [10, с. 285—286].

В общем виде выводы данного исследования следующие:

1. Лицо (персона, личность) — специфически античное понятие, характеризующее положение гражданина в условиях полиса. Понятие юридического лица (физически несуществующего в противовес лицу физическому) неизвестно римскому праву, возникло в период средневековой схоластики, но в целом базируется на античном мироощущении, которое признавало существование лишь телесных субстанций. Совокупности лиц (материальных тел) фактически были лишь совокупностями, субъектами публичного права. Но для целей гражданского оборота субъекты публичного права условно считались лицами, т.е. прав Гирке, сделавший вывод об их фиктивной природе.

2. Понятие бестелесной субстанции (коллективной сущности) появляется лишь с зарождением христианского (византийского) права. Римскому праву оно неизвестно.

Различение частного и публичного права естественно для римлян, мыслящих телесными субстанциями, что требовало различения лиц (частное

право) и совокупности лиц (публичное право). По этой причине частное и публичное римское право противопоставляется. Сколь просто это было для римлян, столь сложно оказывается найти грань между частным и публичным правом в мире, которому известны также бестелесные субстанции, возникающие в процессе не противопоставления, а сочетания.

Важное значение имеет обнаруживаемый в источниках римского права признак субъекта публичного права — независимость существования союза как субъекта права от смены и выбытия отдельных членов. Для современности это может быть интерпретировано следующим образом: субъект публичного права — субъект с неограниченным кругом участников, чем иллюстрируется необходимость отнесения, например, открытых акционерных обществ, также как и территориальных общин и т.п., к субъектам публичного права.

Но правильнее было бы отказаться от использования неадекватных современности античных форм, остановившись на функциональном понятии субъекта права, построенного не на противопоставлении, а на сочетании частного и публичного.

Как справедливо отмечает Иеринг, общественные союзы и институты выходят за пределы частного права [7, с. 145]. Поэтому следует согласиться с Гирке в том, что всякая теория о союзной личности как субъекте, установленная для частного права, должна быть проверяема на ее пригодность для публичного права. Это - важная методологическая установка в определении видов субъектов хозяйствования.

3. Сформировавшийся в Западной Европе дуализм частного права сформировался в процессе параллельной кодификации пандектного права - результата рецепции римского права и средневековой схоластики (голой теории) и исконно западноевропейского обычного торгового права (практического опыта).

Античное право — казуальное право, которое создавалось гражданами на основе практического опыта. Рецепция римского права в западноевропейских странах, наоборот, заложила тенденцию с самого начала сводить весь живой правовой материал в систему, в которой всякий мыслимый в будущем случай будет решен заранее. Таким образом, об исчерпывающем перечне видов юридических лиц по римскому праву не может быть речи. Такая постановка вопроса происходит от средневековой схоластики.

4. Право должно обеспечивать то, что было самоочевидно для римских юристов — внутреннее соответствие экономического и правового мышления. «Хозяйственная организация» в терминологическом плане, в отличие от «юридического лица», способна обеспечить такое соответствие.

Литература

1. Хозяйственное право: Учебник / Под ред. В. К. Мамутова.— К.: Юринком Интер, 2002.— 912 с.
2. Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т.—Т. 2. / Пер. с нем. И. И. Маханькова.— М.: Айрис-пресс, 2003.— 528 с.— (Библиотека истории и культуры).
3. Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т.—Т. 1. / Пер. с нем. И. И. Маханькова.— М.: Айрис-пресс, 2003.— 642 с.— (Библиотека истории и культуры).
4. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров.- 4-е изд.- М.: Советская энциклопедия, 1988.- 1600 с.
5. Черниговский З. М. Всеобщая история государств и права: Учебник.- М.: ООО «ТК Велби», 2002,— 592 с.
6. Вернадский Г. В. Киевская Русь.- М.: АГРАФ, Тверь: ЕАН, 2000.- 189 с.
7. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву.— М.: Статут, 2000.— 299 с.— (Классика российской цивилистики).
8. Латинський словар юридических термiнiв и виражень / Сост. В. А. Миасова, И. Ю. Губина.— Ростов н/Д: Феникс, 2000.— 320 с.
9. Мамутов В. К., Чувпило О. О. Господарче право зарубіжних країн: Підручник,— К.: Ділова Україна, 1996.— 352 с. (Трансформація гуманітарної освіти в Україні).
10. Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право.— М.: Спарк, 2001.- 767 с.